

18+

КОЛЫМСКИЙ
СТУДЕНТ
МАГАДАНСКИЙ
СТУДЕНТ

Магаданский пединститут
в 1962–66 и 1984–85 годах

Евгений Крашенинников

**Колымский студент. Магаданский
студент. Магаданский пединститут
в 1962—66 и 1984—85 годах**

«Издательские решения»

Крашенинников Е. Е.

Колымский студент. Магаданский студент. Магаданский
пединститут в 1962—66 и 1984—85 годах /
Е. Е. Крашенинников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506436-3

Бывшие студенты Магаданского педагогического института вспоминают перипетии студенческой жизни 60-х и 80-х, сокурсников и преподавателей, весёлое и драматическое. Для всех любителей альтернативной истории. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506436-3

© Крашенинников Е. Е.
© Издательские решения

Содержание

КОЛЫМСКИЙ СТУДЕНТ	6
1. Город и море	7
2. Общежитие	7
3. Раньше и теперь	9
4. Новая среда	9
5. Вступительные	10
6. Из шкафа	10
7. У окна	11
8. Самовоспитание	12
9. На картошку	12
10. В поле и у воды	13
11. Утром и вечером	13
12. Грузчик	14
13. Вернулись	14
14. Группа №11	14
15. Проблемы	15
16. Борода Маркса	15
17. Внешнее	16
18. Художественная литература	16
19. Учусь говорить	17
20. Не выйдет никогда	17
21. У моря	18
22. Не пришёл	19
23. Почему?	20
24. Спокойная обстановка	21
25. Детский сад	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Колымский студент. Магаданский студент Магаданский пединститут в 1962—66 и 1984—85 годах

Редактор Евгений Евгеньевич Крашенинников

ISBN 978-5-0050-6436-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОЛЫМСКИЙ СТУДЕНТ

*Воспоминания
выпускника второго выпуска
Магаданского государственного педагогического института (МГПИ),
учившегося в 1962-66-м годах,
бывшего ранее
помощником комбайнёра в Адыгее,
навалоотбойщиком в шахте «Западная-Капитальная» города
Новошахтинска Ростовской области,
охранником вагонов с нарзаном на железной дороге «Минеральные
Воды – Салават»,
промывальщиком приисковой разведки прииска «Большевик»,
бульдозеристом и взрывником в первой старательской артели
на Колыме,
а позже
учителем истории, обществоведения и основ семейной жизни в школах
№13 и №1 города Магадана,
старшим учителем
и отличником народного просвещения*

1. Город и море

В один из июньских полудней 1962-го года я вышел из рейсового автобуса дальнего следования у Магаданского автовокзала.

Выезжая из Сусумана, я был предусмотрительно подготовлен к своему первому путешествию по улицам Магадана, которые должны привести меня к зданию пединститута.

Прямо от меня, вверх на подъём, уходила прямая, чистая и красивая улица Ленина – главная улица города. Проложенная как будто по линейке, она была видна сразу вся: от автовокзала до небольшой площадки в конце крутого подъёма. Там она упиралась в телевизионную вышку, там было её начало. Площадь эта находилась высоко над уровнем моря, и по ней всегда гуляли ветерки, что дало право называть её площадью «На семи ветрах».

Я ступил на тротуар, выложенный шестигранными плитами, и, не спеша, держа в руке небольшой и лёгкий чемоданчик, пошёл вверх по направлению к телевышке. Вдоль тротуара тянулась низкая чугунная ограда, за которой стояли небольшие деревца. Справа и слева – дома красивой архитектуры. Узнаю по рассказам на своём пути ресторан «Магадан», гостиницу, кафе, книжный магазин.

На втором перекрёстке вижу слева большую площадь, украшенную цветочными клумбами, а за ней – гастроном, кинотеатр, Дом пионеров и центральный вход в городской парк. Вот то место, где мне надо сделать поворот направо и ступить на улицу Портовая.

Неужели сейчас я увижу море?

На своём лице я уловил тугой и напористый ветерок.

Он нёс незнакомые, волнующие запахи соли и йода, холодящую свежесть и ещё что-то неизъяснимо мажорное, отчего всё моё тело напряглось, плечи сдвинулись вперёд, шаги сделались твёрже, а взгляд острее.

Море я увидел раньше, чем здание пединститута.

Увидел с большой высоты.

Увидел его всё, до самого горизонта – спокойное и величавое.

Портовая улица уходила дальше к самым его берегам, а мне нужно было остаться здесь. Я уже увидел два рядом стоящие дома. Один из них учебный корпус МГПИ, другой – общежитие с библиотекой. Мне туда. Первая экскурсия по городу закончена.

Хорошо бы поселиться в общежитии так, чтобы видеть из окна море! Как повезёт.

2. Общежитие

В холле общежития было тихо и пусто. Лишь техничка мыла полы. Увидев меня, она разогнула спину, бросила мокрую тряпку в ведро, вытерла о фартук руки и пошла, улыбаясь, мне навстречу.

– С чемоданом, значит к нам. Угадала? Доброе, я смотрю, пополнение у нас. Побольше бы таких хлопцев, побольше!

Молодая, лет тридцати, в возрасте старшей сестры, она после нескольких заинтересованных фраз уже казалась давно знакомым тебе человеком. Она поступила на работу в институт с первого дня его существования и была оформлена сразу на две ставки: вахтёра и технички. Работа её давала возможность видеть всех входящих в здание и выходящих из него, знать в лицо и по именам всех жильцов студенческого общежития. Наделённая особыми качествами характера, она не могла сидеть «кукушкой» за стеклянной витриной своей вахты и постоянно шла на доверительные контакты со всеми, вникала в студенческие нужды, помогала, где и чем могла, иногда журила и сетовала, умела сострадать и пожалеть того, кто в этом нуждался.

В неспешных разговорах она всегда клала свою левую руку на плечо собеседнику, склоняла слегка голову набок и смотрела прямо в глаза, мягко улыбаясь.

Все жильцы общежития обращались к ней исключительно по имени. Все звали её Наташей: и молодые студенты, и преподаватели, и её непосредственное начальство.

И совсем неудивительно, что судьба Наташи сложится так необычно. Пройдут года. Минует четыре десятилетия. В институтских корпусах сменится несколько десятков дежурных и техников. Рядом со старыми зданиями будет построен новый учебный корпус. Станут пенсионерами, отработав в школах города и области положенный срок, выпускники 60-х годов.

Но в холле на первом этаже будет по-прежнему звучать:

– Здравствуй, Наташа!

...

– Здравствуйте, тётя Наташа!

– Здравствуй, здравствуй! Ты не туда пошла. Твоя мама поправляла причёску вон у того зеркала. Я тебе уже об этом как-то раз говорила.

...

– Здравствуйте, тётя Наташа!

– Здравствуй! Опять поздно прибёг? Звонок уже прозвенел. Когда же ты себя в руки возьмёшь?

...

– Здравствуй, Наташа, дорогая! Узнаёшь ли ты меня теперь?

– Здравствуй, Женечка, голубчик мой! Как не узнать!

– Давно мы с тобой не виделись! А ты всё такая же, как и была раньше.

– Что ты! Что ты! Какая уж там такая? А ты, дорогой, к жене, видать, пришёл? Она только что прошла на кафедру. Да, послушай! Сыновей твоих часто здесь вижу. Парни что надо! Обходительные, как и ты. Высокие ростом ребята. Повыше тебя будут. Да! Какое время прошло!

В тот последний раз, в 1985-м году, мы говорили с Наташей долго.

Её левая рука всё лежала на моём плече, глаза улыбались, а седая голова склонялась к правому плечу.

В коридоре было пусто. Шли занятия.

– Наташа, а ты всё ещё помнишь то лето 62-го года?

– Как будто вчера было. Ты в серых брючках и полосатой тенниске. Гарний такой хлопчик был.

– Наташа, знаешь кто ты?

– Знаю. Поломойка я. Дурна да стара.

– Ты для меня, Наташа, есть символ. Не меньше. Ты, Наташа, символ! Ты феноменальный символ, Наташа!

– Выучили вас всякому мудрёному. Баба я и есть баба.

– Это как посмотреть, Наташа.

Да, это она была самым первым человеком, который встретился мне в незнакомом городе.

Это она, закрыв свою «дежурку» на ключ, отвела меня на четвёртый этаж и поместила в угловую комнату, где уже проживали три абитуриента: Саша Феськов – демобилизованный сержант-танкист, Володя Мякинин – демобилизованный старший сержант артиллерии и Валера Нестерко, два года назад окончивший среднюю школу в одном из посёлков области.

Последнюю, четвёртую койку, у двери, занял я.

Два бывших солдата были приземистые и крепкие ребята, а третий высокий и очень худой. Дембеля вели себя степенно и уверенно, а Валера много суетился и много смеялся. Его стараниями через какой-то час был организован стол с закуской и выпивкой.

Новая жизнь для меня началась.

3. Раньше и теперь

Быстро полетели дни, насыщенные новизной.

Новизна была во всём:

в делах, которые мне приходилось теперь выполнять;

в том окружении, которое стало теперь моей средой обитания;

в чувствах, которые я испытывал;

в мыслях, которые набегали в мою голову перед сном —

всё было новым.

Новизна начиналась для меня с самого утра.

Раньше всегда ранний подъём был для меня обязателен – впереди ждала рабочая смена.

Теперь я сам должен был решать для себя, когда вставать и чем заниматься.

Раньше я усаживался в кабину бульдозера с работающим дизельным мотором. Теперь сижу на мягком стуле в тишине читального зала.

Раньше всю рабочую часть дня я ходил в засаленной, пропахшей соляркой, робе. Теперь весь день на мне лёгкие летние брюки, шёлковая тенниска, а вместо тяжёлых кирзовых сапог – лёгкие сандалии.

И настроение все дни новое, приподнятое. Когда, вроде бы, ни с того ни с сего вдруг почувствуешь, что лицо твоё улыбается само собой. Или какой-нибудь бравый мотивчик не выходит целый день из головы.

Всякое новое дело увлекало меня и радовало. Сидеть в читальном зале за отдельным столиком и в тишине погружаться в тексты книг было для меня везением и счастьем. Вот бы мои друзья-работяги увидели меня сейчас!

А совершать ежедневные прогулки по незнакомому городу? Читать названия улиц, следить за их направлением и переплетением. Знакомиться с названиями и местонахождением различных учреждений, магазинов, кинотеатров, столовых, кафе. Обживать аллеи и скрытые в кустах закоулки городского парка. С высокой точки от телевышки любоваться морем и крутыми берегами бухты Нагаева. Прогуливаться перед зданием музыкально-драматического театра и Первой магаданской школы.

И всё это в одиночку, наедине со своими мыслями и своим восторгом.

Так мне больше нравилось.

Но когда я однажды захотел спуститься вниз, через нагаевский «шанхай» к морю, то Наташа предостерегла меня от такой прогулки.

– Один через Нагаево к морю не ходи. Это самое опасное место в городе. Я там живу и знаю, что там бывает. Чужака там сразу видят и уж в покое не оставят. Если хочешь к морю, поезжай на автобусе от автовокзала к бухте Гертнера. Там спокойнее.

Теперь целыми днями я был предоставлен сам себе.

4. Новая среда

Новая жизнь пришлась мне настолько по вкусу, что у меня стала появляться настойчивая уверенность в том, что я обязательно стану студентом, что я больше никогда не вернусь к своей прежней работе, к прежней жизни, к прежним местам, к прежним людям.

Если что и вызывало у меня в этот период сожаление, то это потеря тех людей, с которыми я до этого сжился, сработался, сдружился. Та рабочая среда была мной освоена и понята со всеми своими простыми и ясными нравственными установками, которыми она жила. Последние два года мне было в этой среде и уверенно и надёжно. А здесь мне ещё предстояло вживание в новую среду, непохожую во многом на прежнюю.

Во-первых, это была уже не та, чисто мужская, грубоватая и не «шибко грамотная», но надёжная и мне понятная среда. Основной состав моего нынешнего окружения составляло женское общество. Оно целый день мельтешило перед глазами причёсками разного фасона, цветастыми платьями и халатами, оголёнными до колен ногами. Оно громко говорило, громко смеялось, весело напевало или тихо шепталось, напускало разные мины на свои лица или строило глазки.

Во-вторых, новая среда была выше прежней по интеллектуальному развитию. С первых же своих шагов я увидел, что проигрываю по многим направлениям. Увидел, что мне нужно больше читать, больше молчать, больше слушать и запоминать, чтобы дотянуться до их уровня.

В-третьих, мой характер, уже сформировавшийся в определённой среде, не всегда мог быть мне хорошим помощником в предстоящей незнакомой жизни.

Но меня неудержимо тянуло в эту среду.

Это был единственный данный мне шанс не остановиться в своей жизни, не закиснуть, не прозябать, а продолжать жить насыщенно и интересно. У меня уже зародилось внутреннее стремление к этому, меня уже неудержимо понесло в эту сторону, я уже был заряжен большим желанием изменить ход своей жизни.

5. Вступительные

Прошёл период белых ночей. Кончился июнь.

Началась пора вступительных экзаменов.

На каждый свой экзамен я шёл так спокойно и уверенно, как будто кем-то или чем-то всё было давно и заранее предопределено, всё расставлено по своим местам, и мне просто незачем и смешно волноваться. Мой внутренний настрой на экзамены сложился сам собой в соответствии с моим характером и коротко выглядел таким образом: «Должно случиться то, что должно случиться, и это „должно“ наступит независимо от того, буду ли я волноваться или нет».

Поэтому мне нечего было делать в густой толпе экзаменующихся, где горели страсти, где дёргающиеся руки, заведённые под самый лоб глаза, испуганный шёпот: «Я ничего-ничего не помню! Я ничего-ничего не знаю!».

Я выбирал для себя место в стороне от этой наэлектризованной толпы и был похож на абитуриента, сдавшего всё, что ему положено, и теперь спокойно взирающего на всю эту «суету сует». Впоследствии мне пришлось сдавать очень много экзаменов, но подобное состояние устойчиво каждый раз повторялось со мной. С некоторых пор, чтобы не созерцать каждый раз одну и ту же картину, не привлекать к себе внимания, я стал являться на экзамен тогда, когда он уже подходил к своему завершению.

К концу июля институт справился с первым планом своего набора. Все группы были укомплектованы. Я тоже оказался принятым на историко-филологический факультет.

Всех поступивших собрали вместе, поздравили и отправили по домам, для того чтобы мы оформили документы на увольнение со своих предприятий, получили расчёт и попрощались с родными. Вернуться в Магадан нужно было к 1-му сентября, имея при себе осеннюю и зимнюю одежду и обувь для постоянного теперь проживания в стенах студенческого общежития на улице Коммуны. Сразу по возвращении нас ждала поездка на уборку картофеля. Вот таким было начало витка новой жизни.

6. Из шкафа

Ну а что до чувств, то они были у каждого, и каждый выражал их по-своему.

В день зачисления наше общежитие «гудело» до самого утра. Чего там только не было! Каких чудес не натворил с нами, новоиспечёнными студентами, бум радости, разбавленный алкоголем. Сам я, хотя и искушённый в застольных делах, проснулся на другое утро в нашем платяном шкафу, под упавшей на меня сержантской шинелью Саши Феськова. В разгуле ночных оргий я от кого-то спрятался в шкафу. Да так и уснул там, сражённый большой дозой выпитого, обалдевший от шума, криков, музыки, табачной копоти и чьих то рук, хватавших меня за шею. Меня искали везде, но в шкаф заглянуть не догадались. Гомерический хохот раздался в нашей комнате на следующее утро, когда сами собой открылись дверцы шкафа, и оттуда шагнул в комнату я прямо к накрытому для похмелья столу, за которым восседали уже Саша, Володя и Валера.

Эта проделка открыла собой список курьёзных случаев, имевших место в нашем общежитии за все годы учёбы. А случаев таких будет ещё много, и вспоминать о них будут ещё очень долго.

7. У окна

Я возвращался домой тем же рейсовым автобусом, который преодолевал путь по Колымской трассе от Магадана до Сусумана (600 километров) за 18 часов. Колымская трасса и тогда, и сейчас, через 40 лет – не асфальтированное или бетонированное шоссе, а самая обычная грунтовая, пыльная летом дорога. Только самое её начало, первые 56 километров, путь от города до аэропорта в посёлке Сокол, забетонировано. А остальные 1200 километров до якутского посёлка Усть-Нера так и остались до сих пор грунтовыми.

Я сидел у окна. Место рядом было свободно. За стеклом перед моими глазами медленно сдвигался и уходил назад редкий по красоте пейзаж. Всё сопки и сопки, одна за другой до самого горизонта, крутолобые, неприступные, отделённые друг от друга тёмными, густо заросшими распадками, непроходимыми и непролазными. Дорога полезла вверх на перевал. Горизонт видимости отодвигался всё дальше и дальше, но и там за, дальними далями, выплывали из вечернего полумрака всё те же картины. На вершине перевала дорога сузилась, и стал хорошо виден слева край дороги, круто обрывающийся вниз в далёкое ущелье. Смотреть туда было жутко. Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Через несколько минут августовская ночь поглотила за окном и страшный откос, и красивые дали. Мне захотелось тихой песни. Я запел первое, что пришло мне в голову: «А вечер опять хороший такой, что песен не петь нам нельзя...»

Понравилось. Повторил другой, потом третий раз. Каждый раз всё медленней и задушевней. Почувствовал наступающую волну музыкального подъёма. Запел другую мелодию с другими словами. Снова повторил несколько раз подряд. Почувствовал, как в меня входит лирическое состояние, которое я так любил в себе. Душу охватило сладкое беспокойство и сладкая грусть.

Я крепко сжал веки, и тут неожиданно и сразу передо мной возник образ мамы. Я ясно видел перед собой её лицо. Добрые, красивые глаза. Чётко очерченные губы. Улыбка. В волосах седина. Рука тянется к моей голове.

«Я рада за тебя, сынок! Ты будешь учиться! Это то, чего я всегда хотела для тебя. Ты уж постарайся. Постарайся! Все годы до этого мне было страшно за тебя. Пока ты много и тяжело работал, я места себе не находила. Но теперь я успокоюсь. Не сворачивай с этого пути. Я очень этого хочу и буду переживать за тебя. Ведь ты у меня был и есть один. Я никогда не сердилась на тебя и сейчас не сержусь. Так сложилась наша жизнь, что ты остался один. По-другому у нас как-то не получилось».

Я открыл глаза. По спине пробежал холодок. За окном автобуса полный мрак, не считая далёкой мигающей звезды.

8. Самовоспитание

В Магадан я вернулся немного раньше назначенного срока. Не сиделось мне больше в Сусумане. Очень хотелось взяться за новое дело.

Теперь со мной всегда была книга. Ко мне возвращалась моя прежняя, давняя и прочно забытая страсть к чтению.

Вместе с этой страстью ко мне пришла потребность отмечать при чтении тонко отточенным карандашиком те мысли, с которыми мне не хотелось расставаться. Чтобы, прочтя книгу, выписать их к себе в отдельную тетрадь и всегда иметь под рукой.

Сейчас я уже жил под впечатлением одной такой указующей и поясняющей мысли: «Самовоспитание – это сознательная, планомерная, систематическая работа над собой в целях совершенствования или формирования новых качеств собственной личности, необходимых для плодотворной деятельности в настоящем и будущем».

Я страстно вдруг загорелся желанием такой работы. В голове моей носилось много горячих мыслей, и зарождалась уверенность, что это мой путь.

«Самовоспитание как потребность возникает у человека только тогда, когда он сознательно относится к действительности и своим обязанностям; глядя далеко в будущее, намечает план жизни, отдавая себе при этом отчёт в том, что план этот требует более высокого уровня развития его внутренних качеств».

Каждая строчка и каждое слово были мне в этих мыслях понятны и пробуждали желание действовать.

Приятным сюрпризом для меня стали слова Наташи, которая и в этот раз встретила меня в холле общежития.

– О-о! Наконец! Вернулся! Как хорошо! А мы тебя уже заждались.

9. На картошку

Картофельные поля находились в ста километрах от Магадана.

Это были пахотные земли совхоза «Тауйск».

Рядом с пологим берегом лежало море.

От него местами уходили тихие мелководные лагуны. Уходили далеко, на несколько километров. Их берега поросли невысокими смешанными лесами, скрывающими от людских глаз их водную гладь. Только войдя в прибрежные заросли, можно было увидеть ленту чистой воды, шириной где в пять, а где и в десять метров. Эти потаённые места воспринимались как райские уголки с их девственной тишиной, прозрачной стоячей водой и слегка солоноватым запахом осеннего приморского леса.

Тремя путями добирались в эти края новоиспечённые студенты на уборку картошки. По суше, по морю и по воздуху. По суше – автобусом, по морю – катером, а по воздуху – маленьким самолётом. В свой первый картофельный раз мне пришлось добираться сюда самолётом.

Для этого нашу группу количеством 15 человек отвезли на машине на 13-й километр Колымской трассы, где базировался аэродром областного значения с поршневыми самолётами и вертолётами. Здесь нас посадили на борт «Аннушки», и мы, взлетев, взяли курс на «Тауйск». Самолёт шёл на небольшой высоте, и то, что проплывало под нами за стёклами иллюминаторов, вызывало у всех нас несусветный восторг. Мы видели сверху осеннюю тайгу большим панорамным пейзажем, от которого нельзя было оторвать глаз. Ничего подобного мне не приходилось до сих пор видеть. Тайга на земле перед твоим взором и тайга с птичьего полёта – вещи далеко не однозначные. Сверху земля была всеохватна и смотрелась красавицей, убран-

ной самыми яркими одеждами, раскрашенными самыми сочными красками, какие только есть в палитре у Природы.

Видя всё это, нельзя было не запеть. Пели все, пели громко, пели с воодушевлением, пели всю дорогу, до самого конца нашего полёта. «А ты улетающий вдаль самолёт в сердце своём сбереги... Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги».

10. В поле и у воды

Разместили нас в бывшей совхозной конюшне, которую наскоро приспособили под человеческое жильё. Во дворе соорудили длинный навес, а под ним деревянные столы. Рядом с навесом сложили из кирпича большую печь. Дальше шёл сарай для хранения продуктов. И жизнь наша пошла своим чередом.

Первое моё картофельное поле было в длину метров пятьсот.

На поле работал специальный комбайн, который рыхлил картофельные ряды. Каждый из студентов брал на себя по одной вспаханной комбайном полосе. Двигаясь по ней из одного конца в другой конец, с помощью металлической копалки выбирал из земли картофелины и бросал их в ведро. Потом полные вёдра затаривал в мешки. Нам объявили нашу дневную норму. Каждый, выполнивший её, мог быть свободным на этот день.

Пользуясь этой свободой, я после работы повадился ходить один к ближней лагуне. Бродил там по лесу, подолгу сидел у воды на её берегу. Наблюдал подводную жизнь. В чистой и прозрачной воде хорошо просматривалось всё до самого дна. Мне было покойно и беззаботно, как бывает только в хорошие осенние дни наедине с природой. Лёгкие мысли в голове. Но все они почему-то не о том, что есть теперь, а о том, что было не так давно.

И это «было», подставляло мне, как луна, всё одну и ту же сторону, где много радости, музыки и душевного праздника. Вокруг меня райские кущи, в голове приятные мысли, на душе покой. Много ли человеку надо? Будь у меня поэтический дар, я не ушёл бы с берега лагуны без нескольких куплетов лирических стихов.

Но такие прогулки продолжались недолго.

11. Утром и вечером

Приехало партийно-комсомольское начальство.

Разделило всех нас на бригады и организовало соревнование между ними. Появилась стенгазета, ежедневные сводки и «молнии». Бригады брали повышенные обязательства. Главная установка была представлена лозунгом белой краской на красной материи: «Выполнил норму сам – помоги товарищу!» Работа закипела.

Каждое утро теперь мы поднимались под мелодичные звуки аккордеона. Это студент Анатолий Борзенков маршевыми мелодиями поднимал всех с деревянных нар и не унимался до тех пор, пока все бригады не уйдут в поле. Вечером перед ужином линейка, подведение результатов работы за прошедший день. И снова аккордеон. Но теперь уже не марши, а мягкие мелодии задушевных лирических песен.

Этот момент дня я любил больше всего.

Вокруг нашего стойбища – кромешная тьма. За столовой на столбе горит большая 500-ваттная лампа. Под лампой на ящиках сидят в обнимку, закутавшись в телогрейки, молоденькие студенточки и поют, поют старательно и долго. Поют для себя и для всех. И нет сейчас нужнее этого пения, этих слов и этой музыки.

12. Грузчик

Вскоре меня перевели из полевой бригады в бригаду грузчиков. Эта работа была по мне.

Грузовая машина с откинутым боковым бортом медленно движется по полю, а мы, грузчики, переходя от мешка к мешку, забрасываем каждый из них себе на плечо и, догнав машину, укладываем их на дно кузова. На этой работе мне особенно пригодились те навыки, которые я приобрел, занимаясь когда-то со штангой. С весом от 80-ти до 100 килограммов я отрабатывал три классических движения: «жим», «рывок» и «толчок». Перед штангой я разминался пудовой гирей, подбрасывая её выше головы, ловя на лету и делая после этого её выжимание. Это укрепило мой брюшной пресс, поясные мышцы и раздвинуло мою грудную клетку вширь.

Так что теперь я чувствовал, что играю мешками. Я подходил к мешку, делал полное приседание, обхватывал его двумя руками за середину, делал рывок с подъёмом, и он легко взлетал и ложился на моё плечо. Мне было приятно ощутить снова налитое силой тело, крепость ног и цепкость кистей рук. Работал я играючи и вместо усталости чувствовал необычайный прилив сил и бодрость духа.

Кормили нас по первому разряду: кашами с мясом, макаронами по-флотски, наваристыми мясными супами, картофельным пюре в неограниченном количестве и ежедневной рыбой в разных видах.

В течение месяца все наработались, напелись, натанцевались, перезнакомились, передружились, перевлюблились и соскучились по городу и городской жизни.

Когда по ночам вода в лужах стала замерзать, а картошка была вся убрана, нам подали автобусы для возвращения в Магадан. Назад ехали без песен, склонив головы на плечи друг друга, – отсыпались после месячного недосыпа.

13. Вернулись

Первые два дня после возвращения отмывались и обстирывались.

По лестнице, которая вела с этажей к душевым комнатам, то и дело сновали краснолицые после бани девушки в халатах и с тюрбанами из полотенец, накрученных на головах.

На всех этажах пахло жареной картошкой, тушёным мясом из банок и жареным луком.

В коридорах из комнаты в комнату шло оживлённое движение.

Сдружившиеся на картошке студенты наносили визиты друг другу.

Из комнат через закрытые двери неслись громкие разговоры, смех, музыка.

Каждая мужская комната походила на маленький пивной бар: стол, уставленный пивными бутылками, стаканами, солёной рыбой в разных видах.

14. Группа №11

На третий день после нашего возвращения с сельхозработ начались занятия.

Факультет наш вначале, по первому курсу, был нацелен на три учительские профессии: истории, русского языка и литературы. Но это длилось только первый год. Со второго курса нас всех разделили на добровольных началах на «чистых» историков и таких же «чистых» филологов. Первые с четырёхлетним сроком обучения, а вторые с пятилетним. Я выбрал для себя историю.

Институтская кафедра истории состояла в основном из молодых преподавателей, приехавших по договору из Москвы. Руководил кафедрой кандидат исторических наук Владимир Иванович Балязин. С ним приехала из Москвы и вместе работала его жена, дочь известного в научных кругах профессора Павлова-Сильванского. Тоже кандидат наук. На этой же кафедре

работала и Эльвира Константиновна Куртаева. Та самая, что приезжала к нам на прииск Большевик для организации первого набора в институт.

Я был зачислен в группу №11 истфака, где первая цифра означала «курс 1», а вторая – номер группы, то есть «группа 1».

Я отметил про себя, что на прииске мне довелось работать старателем 1-го звена 1-ой на Колыме старательской артели.

Теперь я на 1-м курсе в 1-ой группе 1-ого на Колыме вуза.

Если мне посчастливится его окончить, то я войду в число его 1-х выпускников.

Совсем недурно для внутреннего душевного престижа!

С хорошим настроением перешагнул я порог учебного корпуса.

И место в аудитории я выбрал за первым столом, вблизи от столика преподавателя.

Но меня преследовал какой-то рок.

15. Проблемы

В школе я тоже начинал свою учёбу, сидя на первой парте, а потом постепенно отсаживался всё дальше назад, и последние три года в школе я просидел на «камчатке», всегда у последнего окна.

Надо же, то же самое, но по другой уже причине произойдёт и в стенах вуза. Уже со второго семестра я стану отсаживаться вглубь аудитории, а со 2-го курса и вплоть до окончания учёбы прочно закреплюсь на той же «камчатке».

С первых же занятий я понял, что не смогу конспектировать лекции за преподавателями. Я писал медленно, традиционных сокращений в то время ещё не знал, плохо владел научной терминологией. Если же я переходил на убыстрённую запись, то проку от этого было мало. Меня хватало ненадолго, да и самому разобрать свои каракули было трудно. К тому же эстетики никакой, чего я не мог допустить. Всё, что я конспектировал в условиях читального зала, было всегда чётким, понятным, с выделениями и подчёркиваниями пастой разных цветов. Другой работы по конспектированию я не мог себе допустить. К тому же наша библиотека имела возможность обеспечивать нас учебниками по всем предметам.

Но не сразу я отказался от конспектирования.

Мною было предпринято несколько попыток изменить положение в лучшую сторону. Я взял в библиотеке самоучитель по стенографии и начал последовательно от задания к заданию осваивать этот вид скорописи. Но не дойдя ещё до средней скорости стенографирования, я «забуксовал» и не смог двигаться дальше. К моему огорчению, выяснилось, что я обладаю замедленным темпом мышления и стенография мне противопоказана.

После этого я перестал портить бумагу на лекциях, и сидел сложа руки, слушая преподавателя.

Очень скоро я стал замечать, что долго быть внимательным я не могу, что я являюсь обладателем рассеянной формы внимания. В роли активного слушателя я мог оставаться не более 15—20 минут, а после этого мои мысли переключались независимо от моего желания на посторонние раздумья. Я начинал барахтаться в гуще каких-то странных картин, образов, коротких и длинных монологов, фантастических сцен. В итоге ни одну лекционную тему я не усваивал.

16. Борода Маркса

И вот в этот период произошёл с виду незначительный эпизод на лекции у Балязина.

Лектором он был хорошим. Я любил слушать его, но это помогало мне недолго.

На одной из его лекций, в определённый уже момент, моё внимание переключилось с лекционного материала на большие портреты Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые висели

над доской за спиной у преподавателя. Я сидел, всматриваясь в детали этих двух лиц, как тут Балязин спросил меня:

– Женя, почему вы ничего не записываете?

На это я тут же ему ответил:

– Я смотрю на портрет Маркса и думаю, почему у него борода седая, а усы чёрные.

В аудитории раздался смех.

Балязин стусевался, ничего мне на это не сказал и стал продолжать лекцию.

И хотя ничего оскорбительного я в своих мыслях не имел и сказал доверительно то, что было на самом деле, преподавательская среда мне этого не простит, сочтя мой ответ «циничным выпадом», а меня циником.

17. Внешнее

С того случая я стал чувствовать по отношению к себе повышенный интерес со стороны некоторых преподавателей. И интерес этот был с отрицательным знаком.

Новая среда, в которой я теперь вращался, оказалась очень чувствительной к соблюдению правил внешнего этикета, и обращаться с ней «запанибрата» было ни в коем случае нельзя. Я готовился перейти в неё из рядов рабочего класса, и она преподносила мне свои первые уроки.

Со временем я пойму её главный постулат. Он прост и не менее циничен, чем те слова, которые были мной сказаны Балязину:

Делай всё, что тебе хочется, но не попадайся! Тщательно скрывай всё негативное в своём поведении и характере. Но если ты всё-таки попадёшься на чём-нибудь, то мы (те, что делали то же самое, но не попались) осудим и накажем тебя.

Скорее всего, я бы не смог прижиться в этой среде, которая называлась «интеллигенция», если бы не те люди, которые увидели что-то во мне и взяли под свою защиту. Без этого пришлось бы мне возвращаться в ряды рабочего класса.

18. Художественная литература

Вернусь опять к учебным заботам.

Итак, конспектирование лекций за преподавателями во время занятий у меня не получилось. Слушать лекции со вниманием, чтобы запоминать их содержание, я не мог, из-за своего рассеянного внимания. Что же было делать?

Пойти на ещё один вариант. Многотрудный, лишаящий тебя всякого свободного времени в течение всего дня и изматывающий физически. Но я не удержался и снял с него пробу, хотя заранее знал, что из этого ничего путного не получится.

Отсидев в аудитории три лекционные пары, я шёл в читальный зал, брал учебники и по ним составлял по сегодняшним темам свой конспект. Делал я это в соответствии со своими привычками – без спешки, выписывая текст аккуратными кругленькими буквами, подчёркивая отдельные слова и целые выражения пастой разной расцветки.

Всё было бы хорошо. На такую работу приятно было смотреть, и удобно работать с таким текстом. Но... каждый день я клал перед собой учебники по трём дисциплинам, а до вечера справлялся лишь с одним. На конспектирование двух других тем времени уже не оставалось. Так что в скором времени пришлось оставить эту затею.

И тогда вместо штудирования учебной литературы я перешёл к глобальному чтению художественно-исторической и научно-популярной литературы и исторических монографий. Глобальному в том смысле, что я стал читать всё своё свободное время и даже во время занятий. Для этого мне пришлось пересечь с первого стола и свить себе гнёздышко в последнем

ряду аудитории. Преподаватель читает свою лекцию, а я ухожу полностью в себя и в те события, которые разворачивает передо мной та или иная книга.

Художественно-историческая литература давала мне живые картины исторического прошлого, помогала представить себе далёкие от нас времена в картинах и образах. Научно-популярная же литература снабжала меня богатым фактическим материалом, не востребованным учебной литературой. Всё это было как раз для меня, моего характера и моих возможностей.

Такую работу я полюбил и втянулся в неё, появляясь везде с небольшим чемоданчиком-балеткой в чёрном переплёте, доверху наполненным книгами. Весу же от этого в преподавательской среде у меня несколько не прибавилось, а наоборот. Они видели, что я не записываю их лекции (игнорирует), а занимаюсь посторонним делом (наглец и циник). Никто не занимался выяснением подоплёки всего этого, но все сразу пришли к выводу, что это от лени и нежелания учиться. Поэтому меня просто перестали замечать и даже не отвечали кивком головы на моё приветствие. Одна лишь Кира Сергеевна Врублевская на моё «здравствуйте» отвечала сухо «добрый день». Но студенты уже знали её привычку – только тем, кого она уважала, отвечать с улыбкой «здравствуйте», а всем остальным говорить сухо, глядя себе под ноги, «добрый день». Для неё я был переведён из «здравствуйте» в разряд «доброе дня».

19. Учусь говорить

При моём тогдашнем косноязычии усиленное увлечение чтением стало оказывать мне добрую услугу. Оно воспитывало моё пульсирующее воображение, воздействовало на мои чувства, а через них и на мою речь.

Я стал готовиться к каждому семинару и не пропускал случая, когда бы я мог выступить с кафедры перед студенческой группой по тому или иному рассматриваемому вопросу. Это тоже возымело своё действие. От семестра к семестру, от курса к курсу я стал изыскиваться по исторической тематике всё ясней и свободней, живей и интересней, тяготеея всё больше и больше к «своему» языку, а не языку учебного пособия.

Но пока я только учился говорить.

Я ещё не умел, да и не смел прибегать к жестикюляции, использовать в речи логические паузы, модулировать голосом и настраивать невидимую связь со слушателями, переводя во время разговора свой взгляд попеременно с одного на другого, а не смотря в одну точку или в одно лицо. Плохо ещё у меня работали глаза и губы. Слабой была сила голоса. Он был тихий и глуховатый. Уже тогда я понимал, что выбрал своей профессией устное говорение, к которому был сам мало приспособлен природой.

Последующая практика показала, что, оказывается, можно говорить доходчиво и вразумительно и тихим голосом. Целых 30 лет мне придётся говорить изо дня в день, и всегда меня будут слушать люди, но мой тихий и глухой голос не станет между нами помехой.

Подтверждаю это выдержкой из статьи В. Данилушкина «Исторический класс», помещённой в газете «Магаданская правда», от 7 октября 1988 года.

«Не знаю, можно ли назвать Крашенинникова хорошим оратором.

Прежде всего, потому, что говорит он вполголоса.

Дети вслушиваются: им интересно.

Они тонко чувствуют импровизацию, уникальность ситуации.

За долгие годы он наработал свою методику».

20. Не выйдет никогда

Своё любимое чтение я откладывал в сторону только в двух случаях: во время сессии и во время нечастых капризов души.

В сессию я просиживал за учебной литературой и по ней сдавал все экзамены. Всё шло благополучно до тех пор, пока я не вышел на экзамен по истории СССР, который принимали супруги Балязины. По их лицам я сразу понял, что сейчас буду ими отомщён за седую бороду и чёрные усы Карла Маркса. Так оно и случилось.

Владимир Иванович сидел и молчал, а «размазывала» меня по реформам Петра Великого его жена. Она «высверливала» меня своим взглядом, она ловко опутала меня паутиной дополнительных вопросов. Она взяла на себя роль мстителя. Она не отпускала меня до тех пор, пока не добила вопросами о первой газете на Руси под названием «Ведомости», требуя от меня пересказать весь материал первого номера этой газеты.

Я хорошо видел, как она была довольна собой. Особенно в тот момент, когда ставила в мою зачётную книжку оценку 2 (неудовлетворительно). Пододвинув зачётку мужу для второй подписи, она откинулась на спинку стула, остывая от возбуждения и негодования. Владимир Иванович, расписавшись, наклонился в мою сторону всем своим телом и «добил» меня короткой фразой:

– Поверьте мне, Женя, из вас никогда не выйдет учителя. Добрый вам совет: забирайте, пока не поздно, свои документы и поищите себе другую профессию.

Приговор мне был вынесен. Направление дальнейшей жизни мне было указано.

21. У моря

Я вышел на улицу и остановился. Идти к людям не хотелось. Огляделся вокруг. С одной стороны закатная полоса над самым морем. С другой стороны, над сопкой, белое облачко над трубами ТЭЦ, что спряталась за этой сопкой. Стал спускаться к морю.

Узкие и пыльные нагаевские улочки, деревянные хатки, небольшая площадь в центре с клубом-кинотеатром «Моряк», почтовым отделением и продовольственным магазином. Дальше внизу территория морского рыбного порта с выходом к самой воде.

Шёл отлив. Белая ночь притушила огонь вечерней зари и остановилась на этом. Было тихо и безлюдно. Море отступало от берега медленно и беззвучно. Пахло обнажённым морским дном. У крутого берегового откоса сел на случайное бревно. С большим желанием закурил. На душе было как-то пусто, но не трагично. Сверху с откоса посыпалась галька. Засветилась огнями в Марчекане военно-морская база.

Снова сверху скатился камешек. Потом раздались звуки настраиваемого радиоприёмника. Шорох и треск сменился гитарными аккордами и словами. Кто-то там выше меня сидит и слушает романс. Скорее всего, это романс старинный:

Тени ночные плывут на просторе,
Счастье и радость разлиты кругом.
Звёзды на небе, звёзды на море,
Звёзды и в сердце моём...

Вслушиваюсь. Как успокоительно сказано: «Счастье и радость разлиты кругом...»

Звуки оборвались – и снова звуки настройки. Видимо, какая-то парочка устроилась на береговом откосе с приёмником в руках. Вот снова песня. Тоже не с самого начала:

Над рекою сонной
Шепчут ветви клёна.
В этот миг для нас двоих листва шумит...

Эту знаю наизусть и люблю. Слушаю и млею.

Так тихо и невнятно,
Но сердцам понятно
Всё, что тёплый вечер говорит...

Потянулся за новой сигаретой. Что за сила такая отвернула меня от моего общежития и привела сюда? Привела да ещё песнями душу улаживает. Задумался и упустил начало новой песни. Песни мне незнакомой, но такой красивой, такой задушевной, какие редко встречаются.

Самое главное – сказку не спугнуть,
Миру бескрайнему окна распахнуть.
Мчится мой парусник, мчится мой парусник,
Мчится мой парусник в сказочный путь...
Кто тебя выдумал, звёздная страна?!
Снится мне издавна, снится мне она.
Выйду я из дому, выйду я из дому —
Прямо за пристанью бьётся волна...

Этого было достаточно для того, чтобы стряхнуть с себя грусть и отправиться дальше своей дорогой.

«Исчезнули при свете просвещения наивные ребяческие сны».

Шёл 25-й год моей жизни.

22. Не пришёл

Вспоминая прошлое время и себя в нём, я могу считать, что природа наделила меня в меньшей степени рассудочным практицизмом, а в большей степени сиюминутным порывом, упрямством и самолюбием. Таким людям, как я, в практической жизни необходим наставник в лице человека более рассудочного и практичного, способного влиять на некоторые мои поступки. Такого наставника в своей жизни я до той поры не имел никогда. Ни в детстве, ни в юности, ни тогда, уже в зрелом возрасте. Поэтому мне приходилось временами очень нелегко.

Мой характер восстанавливал иногда против меня некоторых людей, которые становились моими недоброжелателями. На первом курсе таким недоброжелателем стала для меня куратор нашей группы Эльвира Константиновна Куртаева. Она была женой Лахина Льва Александровича, который был заведующим Отдела науки, школ и учебных заведений Обкома КПСС. На улице Портовой они имели вместительную «обкомовскую» квартиру. И вот в этой квартире Куртаева стала по субботам собирать нашу (свою) группу на так называемые посиделки.

Я не пошёл на первый такой «субботник». Причины сейчас не помню.

Комсорг нашей группы, Нина Куровская, передала мне новое приглашение Эльвиры Константиновны на вторые посиделки, которое я тоже проигнорировал. После этого в аудитории у меня состоялся разговор на эту тему с самой Куртаевой. Он закончился такими её словами:

– Женя, я лично приглашаю вас. Ваше присутствие у меня желательно во всех отношениях.

По её лицу, по глазам, интонации голоса и сказанным словам я понял своё назначение в её сценарии и уже сознательно не пошёл туда и в этот раз. Душа моя взъерошилась упрямством, и меня крепко заклинило на этом.

Через несколько дней Куртаева пришла в наше общежитие и зашла в нашу комнату. В ней никого, кроме меня, в этот момент не было. Я, лёжа на кровати, читал книгу. Мы сели для

разговора по разные стороны стола. Говорила, в-основном, она. Чувствовалось, что это был не экспромт, а заготовка. Я сидел «закусив удила» и молча слушал. Сказав всё, что должно было приподнять её и оправдать, она, игриво улыбаясь, постучала пальчиком по столу:

– Если вы не придёте ко мне и в эту субботу, я навсегда вычеркну вас из списка своих потенциальных друзей. Не играйте с огнём, Женя!

Произнеси она только начало и остановись на этом – ещё неизвестно, как я бы поступил. Но её угроза «Не играйте с огнём, Женя!» сделала своё дело. Я не явился к ней и на этот раз. Этим я нажил себе врага, яростного и непримиримого на долгие годы, готового на всё ради мщения.

Другим моим врагом стала преподаватель исторического цикла по фамилии Цепляева. Стоило мне однажды в частном разговоре с однокурсниками отозваться нелестно о её манере поведения в аудитории на лекциях, как ей тут же об этом донесли, и новоиспечённый, беспощадный, мстительный враг у меня уже был готов. Теперь и всегда она не произнесёт обо мне никогда ничего положительного – только отрицательное.

Третьим моим врагом стал преподаватель-мужчина, секретарь парторганизации института доцент Юн. Случай столкнёт меня с ним в комнате нашего общежития. Я наотрез отказался выполнить его требование, так как считал его исполнение для себя неприемлемым. Отказался после первого и после второго к себе обращения. После этого ещё одним недоброжелателем у меня станет больше.

Я шёл на поводу у своего характера. Я шёл за ним во всех его желаниях и побуждениях. Ко мне никогда не приходила мысль о том, что надо во имя своего будущего вести себя осторожней, где-то приспособиться или чем-то поступиться. Мои поступки походили на поступки человека, который знает продолжение своей судьбы на много лет вперёд. Или, может быть, это было проявлением душевного фатализма с его постулатом: «Чему быть, того не миновать». А может быть, потому, что за моей спиной стояла моя прошлая «бульдозерная» жизнь. Но скорее всего потому, что такой уж уродился.

Всё то, о чём я сейчас рассказал, было только началом.

23. Почему?

В процессе моего дальнейшего студенчества мои дела временами принимали очень опасный оборот, опасней, чем месть Куртаевой, Цепляевой или Юна.

Ректору Михаилу Ивановичу Куликову положили на стол подготовленный и отпечатанный на машинке приказ о моём отчислении из института, но он в последний момент не подписал его.

Почему? Кто его знает. Может фатум такой.

Через год, уже следующий ректор, Вениамин Фёдорович Крюков, занёс было руку над новым приказом о моём отчислении (составленным уже по другому поводу), но отложил ручку в сторону и не стал его подписывать.

Я уцелел и в этот раз. Почему? Кто его знает.

На государственных выпускных экзаменах по педагогике члены экзаменационной комиссии собирались поставить мне оценку «2», после чего я остался бы в жутком положении, без диплома, но... не поставили, и я уцелел.

Почему? Теперь я знаю – почему.

Всякий раз, когда ко мне подбиралась беда, меня спасали и выручали люди.

Те люди, которые знали меня лучше других. Которые по чистой случайности оказывались в критические для меня моменты то рядом с Куликовым, то рядом с Крюковым, то рядом с членами экзаменационной комиссии.

Когда меня по ложному обвинению арестовали и посадили в милицейское КПЗ на улице Дзержинского, то народный судья Васильев собрался было меня примерно наказать, но рядом оказался тоже человек из тех, которые знали меня, и он тут же пришёл мне на помощь.

Когда, уже после окончания института, я проходил по конкурсу на должность ассистента кафедры истории МГПИ, то на Учёном Совете прямо с трибуны прозвучали удручающие обвинения в мой адрес с требованием не допускать подобного человека для работы на идеологической кафедре. И надо же такому случиться, что и на этот раз нашлись люди, которые вступились за меня и доказали всю беспочвенность таких глубоких обвинений в мой адрес.

В последующем изложении я подробней опишу все перечисленные мной случаи и назову имена этих людей.

24. Спокойная обстановка

Возвращаюсь к прерванной последовательности в своём изложении.

Я всё больше и больше втягивался в своё запойное чтение, завёл тетради и обозначил их значком «ВиК-1», «ВиК-2», «ВиК-3», что означало «Выписки из книг».

Мои устремления украшал афоризм, который я поместил на обложке одной из тетрадей. Он гласил: «Если ты хочешь учить других – учись же, не покладая рук, сам».

Для моего увлечения нужна была более-менее спокойная обстановка. Читальный зал был вечно переполнен, и я вынужден был заниматься своим делом чаще всего в условиях своей студенческой комнаты. А условия для такой работы там были мало пригодны.

Но фатум! Он был тут как тут, и скоро я перенёс свои вещи и переселился сам в другую комнату, где проживали только два студента-чукчи – Коля Келекут и Ваня Вуквукай.

У них пустовали две кровати. Никто не хотел их занимать.

Причины для этого были разные. Одна из них заключалась в том, что их попросту побаивались. Боялись тогда, когда они находились в состоянии опьянения. В такие моменты в них пробуждалось агрессивное начало.

Всех пугал взъерошенный вид Вани Вуквукай, который показывался в дверях своей комнаты и страшным голосом кричал в коридор:

– Всех пе-ре-ре-жу!!! Чукча всех резать будет!!! Как олешек. Чик – и готово!

Именно здесь я нашёл для себя тихую гавань, где мог, сколько хотел, заниматься своими делами. По разным причинам у меня с этими парнями сложились очень хорошие отношения, и то, что их комнату все обходили стороной, было мне на руку.

25. Детский сад

Другим тихим местом, где я мог бы в тишине и покое предаваться своим занятиям, было место моей новой работы в качестве сторожа детского садика.

Стипендия в двадцать два рубля не могла удовлетворить моих, даже самых скромных, потребностей. Поэтому из 50 месяцев студенческой жизни 35 месяцев я сочетал учёбу с работой.

Вначале я устроился сторожем-истопником в садик номер пять. Придя вечером на своё дежурство, я брал в руки топор-колун и во дворе у сарая долго рубил на дрова метровые чурки для кухонной печи. В пять часов утра я поднимался по будильнику, чтобы затопить печь, разогреть её, как следует, и вскипятить все поставленные на неё ещё с вечера котлы с водой. Приходила дежурная повариха, я сдавал ей свой пост и мог идти на занятия. Следующее дежурство было через день. Садик выплачивал мне за это сумму размером в три мои стипендии и кормил обедами и ужинами.

Всё это меня вполне устраивало. Однако, когда впоследствии у меня представится возможность перейти в другой садик, с электрической кухонной печью, где не надо было рубить дрова, вставать в пять утра для кипячения воды в котлах, я перейду туда. Это был садик на улице Портовой.

Здесь я получил вдвое больше свободного времени для своих дел, да и утром мне требовалось только включить рубильник электропечи в шесть утра, чтобы к семи часам вода в котлах бурлила уже ключом.

Был у меня недолгий период, когда я в свободные от дежурства в садике №16 дни устроился дежурить ещё в один садик, под номером 21, что на улице Транспортной у городского рынка. Весь этот период я не ночевал в общежитии ни одной ночи, получал два оклада и двойное питание. Используя своё вечернее уединение, я перечитал большое количество книг по истории, философии, политэкономии, истории искусств. Лёжа на матрасе у кухонной печи, я перечитал все 13 томов произведений Маяковского и стал с этих пор почитателем его творчества.

Прошло какое-то время, и этот спокойный режим был нарушен одним странным случаем.

Явившись как-то вечером на дежурство в садик №16, я обнаружил записку, в которой было сказано: «Сторожу. Покрасить раздевалку». Рядом стояла большая банка с коричневой краской и кисть. Это указание меня в некотором роде обескуражило, так как детская раздевалка (шкафчики) была выкрашена в голубой цвет, и на каждой дверке красовался какой-нибудь рисунок. Я походил взад-вперёд, обдумывая смысл записки ещё и ещё раз, а потом меня как чёрт за руку повёл.

Я взял и выкрасил все голубые шкафчики в коричневый цвет.

Хорошо, что утром я уходил из садика раньше, чем туда приходил основной персонал.

Мне рассказывали, какой там был шум, когда на работу явилась заведующая. Все шкафчики были вынесены во двор, и весь личный состав садика полдня оттирал их олифой и ацетоном, возвращая им первоначальный цвет. Меня не оправдала в глазах людей сохранившаяся записка, в которой слова «Покрасить раздевалку» нужно было мне понимать по-другому, как «Покрасить полы в раздевалке». Никто и не подумал обвинить заведующую садиком в таком неясном написании, так как, по её словам, «только дурак не мог понять, что к чему». Естественно, что работу в садике №16 я потерял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.